

О ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ ЭПОХИ ЦИН

Сергей Александрович НЕФЕДОВ,
кандидат исторических наук, г. Екатеринбург

Эта статья посвящена рассмотрению истории Китая XVII—XIX вв. с позиций теории демографических циклов. Как известно, эта теория изучает процессы изменения численности населения в условиях ограниченности природных ресурсов, идею разработали Т. Мальтус и Д. Рикардо. Главный постулат Мальтуса заключался в том, что «количество населения неизбежно ограничено средствами существования (means of subsistence)»¹. Однако великий закон природы состоит «...в проявляющемся во всех живых существах стремлении размножаться быстрее, чем допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи». Это приводит к нехватке продуктов питания, что отражается в развитых обществах на росте цен и ренты, на падении реальной заработной платы и уменьшении потребления низшими классами, что, в свою очередь, влечет приостановку роста населения или его сокращение до уровня, определяемого средствами существования (или ниже его). Затем заработная плата возрастает, потребление увеличивается. Процесс повторяется: «...возобновляются прежние колебания, то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения».

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (А. Смит, Ж.Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской². Важно, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, т.е. о *демографических циклах*, а это приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом.

Мальтус полагал, что падение темпов роста населения с уменьшением потребления является законом природы, и впоследствии эта связь была подтверждена биологическими экспериментами. В 1920-х годах американский биолог и демограф Раймонд Пирл показал, что изменение численности популяций некоторых видов животных описывается так называемым логистическим уравнением. Решением этого дифференциального уравнения является логистическая кривая (рис. 2). Поведение логистической кривой показывает, что поначалу в условиях высокого потребления численность популяции быстро возрастает. Однако ресурсы ограничены и размер популяции не может превзойти емкости экологической ниши, равной числу особей, которые могут прожить на данной территории при минимальном потреблении. Рост популяции сопровождается падением душевого потребления (вторая кривая на рис. 2), поэтому он постепенно замедляется и численность стабилизируется вблизи асимптоты, соответствующей максимальной возможной численности при минимальном потреблении. Это состояние «голодного гомеостаза» в действительности оказывается неустойчивым, колебания природных факторов могут привести к резкому уменьшению численности популяции, после чего начинается период восстановления в новом цикле³. Таким образом, «логистические циклы» в популяциях животных имели, в принципе, ту же природу, что и мальтузианские

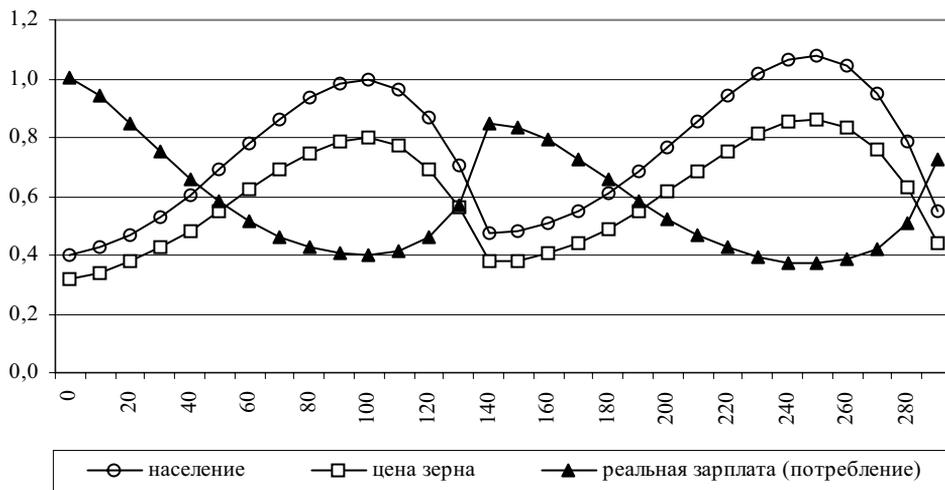

Рис. 1. Демографические циклы по теории Мальтуса-Рикардо: рост населения вызывает рост цен и рент и падение заработной платы и потребления. Это развитие в дальнейшем стали называть повышательной вековой тенденцией. Когда потребление становится ниже прожиточного минимума, начинается кризис и численность населения снижается, цены падают, потребление возрастает. Это понижательная вековая тенденция. Затем цикл повторяется.

демографические циклы. Впоследствии теория популяционных циклов стала одним из важных разделов новой науки — экологии⁴; она привлекалась последователями Мальтуса как один из аргументов, подтверждающих его теорию⁵.

В 1933 г. русский экономист Е.Е. Яшнов, работавший в Харбине, опубликовал небольшое исследование «Особенности истории и хозяйства Китая»⁶. Объясняя фиксируемые в исторических источниках колебания населения Китая, Е.Е. Яшнов дал первое описание механизма демографического цикла в истории человеческого общества. Голод, эпидемии и войны в конце предыдущего цикла резко сокращают численность населения, писал Е.Е. Яшнов, поэтому в начале нового цикла крестьяне пользуются относительным земельным простором и сравнительным достатком. В благоприятных условиях численность населения начинает быстро расти, и через некоторое время все заброшенные ранее поля оказываются распаханными, снова обнаруживается недостаток пахотных земель. Размеры наделов уменьшаются, арендная плата растет, крестьянское хозяйство теряет устойчивость, в годы голода крестьяне продают землю ростовщикам и помещикам. В деревне растет помещичье землевладение; разоренные крестьяне, пытаясь прокормиться ремеслом, уходят в города. Города растут, но вместе с тем растет число голодных и нищих. В конце концов, голод приводит к крестьянским восстаниям, попыткам передела земель, внутренним войнам. Разрушение ирригационных систем еще более усиливает голод, начинаются эпидемии, и бедствия сливаются в катастрофу, которая губит большую часть населения.

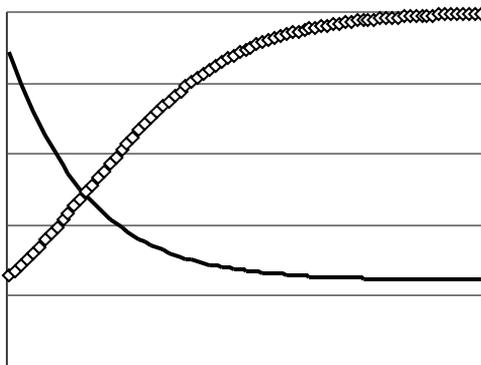

Рис. 2. Логистическая кривая и кривая душевого потребления.

Описание демографического цикла, данное Е.Е. Яшновым, в настоящее время можно считать классическим, однако с фактологической стороны идея цикличности не получила в его работе достаточного обоснования. Кроме того, опубликованная им в Харбине книга осталась вне поля зрения европейских историков и была незаслуженно забыта.

Существование демографических циклов в истории Европы было доказано Вильгельмом Абелем и Майклом Постаном в 30-х годах XX в.⁷

До недавнего времени изучение демографических циклов ограничивалось странами Европы; исключение в этом отношении представляли лишь работы израильского ученого Елеаху Аштора, исследовавшего циклы цен и заработной платы на Ближнем Востоке, а также несколько работ, посвященных демографическим циклам в Китае⁸. К этому кругу работ примыкают также некоторые статьи автора⁹.

Близкими вопросами занимается также так называемая «социоестественная история» — новое научное направление, созданное группой исследователей под руководством Э.С. Кульпина¹⁰. Социоестественная история изучает главным образом динамику населения в условиях экологических кризисов, т.е. в условиях сокращающейся экологической ниши, то время как классическая теория не рассматривает этот случай, полагая емкость экологической ниши примерно постоянной или увеличивающейся. В соответствии с этой установкой исследователь рассматривает лишь глобальные, долговременные колебания численности населения.

В последние годы изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-математических моделей. Это новое направление исследования представлено в работах Дж. Комлоса, П. Турчина, А.В. Коротаева, А.С. Малкова, Д.А. Халтуриной, а также в работах автора¹¹. Питером Турчиным, в частности, была построена имитационная модель для демографически-структурной теории Дж. Голдстоуна — нового варианта теории демографических циклов¹².

Результаты моделирования в сочетании с конкретными данными исследователей позволили выделить последовательные фазы демографического цикла и определить их характерные признаки¹³.

Каждый демографический цикл начинается с *периода внутренней колонизации (или периода восстановления)*, для которого характерны наличие свободных земель, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, на землю, низкий уровень земельной ренты и налогов, дороговизна рабочей силы, относительно высокий уровень потребления, ограниченное развитие городов и ремесел, незначительное развитие аренды и ростовщичества. После исчерпания ресурсов свободных земель наступает *период сжатия*, для этой фазы характерны исчерпание ресурсов свободных земель, высокие цены на землю, крестьянское малоземелье, разорение крестьян-собственников, распространение ростовщичества и аренды, рост крупного землевладения, рост земельной ренты, низкий уровень потребления основной массы населения, падение уровня реальной заработной платы, дешевизна рабочей силы, высокие цены на хлеб, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, замедление или приостановка роста населения, ограничение рождаемости, уход разоренных крестьян в города, рост городов, развитие ремесел и торговли, большое количество безработных и нищих, голодные бунты и восстания, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости, попытки проведения социальных реформ с целью облегчения положения народа, внешние войны с целью приобретения новых земель и понижения демографического давления.

В конечном счете усугубляющаяся диспропорция между численностью населения и продовольственными ресурсами приводит к *экоциальному кризису*; для этого периода характерны голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, гибель больших масс населения, принимающая характер *демографической катастрофы*, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесел и торговли, высокие цены на хлеб, низкие цены на землю, гибель значительного

числа крупных собственников и перераспределение собственности, социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции, установление сильной монархической власти.

Таким образом, имеется около сорока признаков, позволяющих идентифицировать конкретный социально-экономический процесс как демографический цикл. Главным из этих признаков является рост населения, сопровождающийся падением потребления — так называемые «мальтузианские ножницы», изображенные на рис. 2. Опираясь на эти признаки, попытаемся проверить, насколько социально-экономическое развитие в эпоху Цин соответствует классическим представлениям о демографическом цикле.

Прежде всего отметим, что период восстания и войн в конце династии Мин продолжался свыше полувека — это был катаклизм, сравнимый по масштабам с монгольским нашествием. Хроники тех лет свидетельствуют об огромных заброшенных пространствах земли в Северном Китае, об отсутствии признаков жизни в только что «усмиренных» южных провинциях¹⁴. В провинции Шаньси погибло более половины населения, в некоторых округах низовий Янцзы — до 2/3 всех жителей. Трагичной была судьба почти всех крупных городов; в Нанчане во время осады погибли от голода около 1 млн. чел., в Цзяньине из 200 тыс. жителей в живых осталось лишь 53 чел.¹⁵ По словам китайского историка, «...за военными опустошениями следовали неурожаи, но все затмевали буйства Желтой реки». В 1671 г. Хуанхэ прорвала давно не ремонтировавшиеся дамбы и затопила многие уезды; повсюду царил голод¹⁶.

По различным оценкам население Китая в начале XVII в. составляло от 150 млн.¹⁷ до 290 млн.¹⁸ чел.; к 1661 г. оно сократилось до 105 млн.¹⁹ По официальным данным, площадь пахотных земель, составлявшая в конце эпохи Мин 7,0 млн. цин, к 1661 г. уменьшилась до 5,5 млн. цин., но реально это уменьшение было значительно большим, так как в конце эпохи Мин было много неучтенных земель (в начале Мин при более тщательном учете площадь пахотных земель составляла 8,5 млн. цин)²⁰.

Основной проблемой, возникающей при анализе кризиса XVII в., является вопрос о масштабах демографической катастрофы. Противоречия в оценках численности населения в конце эпохи Мин порождают противоположные суждения о масштабах депопуляции. Так, Э.С. Кульпин, М. Хейдра, Ф. Моут считают, что уменьшение численности населения в середине XVII в. было лишь небольшой флуктуацией на общем фоне демографического роста, что демографический цикл продолжался почти тысячелетие и закончился кризисом в XIX в.²¹ Напротив, К. Чао полагает, что численность населения уменьшилась в три раза²². По нашему мнению, ответ на этот вопрос дает общая методика демографического цикла, разработанная М. Постаном. Она опирается на мальтузианское представление связи между динамикой численности населения, ценами и реальной заработной платой (рис. 1). В соответствии с этими воззрениями резкое падение численности населения приводит к «земельному изобилию», падению цен на зерно и резкому росту реальной заработной платы. Поэтому резкое падение цен на зерно и рост реальной заработной платы (в традиционном обществе) считается признаками резкого уменьшения численности населения, т.е. демографической катастрофы. В конце XVI в. один дань риса стоил 1,1 ляна; после кризиса цена упала до 0,2—0,3 ляна, т.е. в четыре—пять раз²³. Что касается данных о заработной плате, то они имеются только для более позднего периода, но можно утверждать, что реальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих в 1730—1752 гг. была в 2—3 раза выше, чем в 1580—1640 гг. В период кризиса XIV в. в Англии цены на пшеницу уменьшились вдвое, а реальная заработная плата возросла в 2,4 раза²⁴. Таким образом, судя по динамике цен и реальной заработной платы, относительные масштабы катастрофы в Китае сопоставимы с масштабами катастрофы в Англии, где численность населения уменьшилась более чем вдвое²⁵.

Маньчжурские императоры, пытаясь стабилизировать положение после катастрофы, из года в год оглашали декреты о расселении беженцев; им давали

семена, быков и на шесть лет освобождали от налогов²⁶. «В первые годы династии император направил цензоров для инспекции земельных угодий... отмены жестоких поборов династии Мин и запрещения избыточных требований корыстных чиновников, — утверждает официальная хроника. — Было проведено новое обследование урожайности земель и установлен соответствующий земельный налог.. Политика была такая, чтобы крестьяне были накормлены и одеты...»²⁷ По сравнению с концом эпохи Мин налоги были немного уменьшены и составляли в среднем 1 доу зерна и 1 цзянь серебра с 1 му. Помимо поземельного налога существовал еще подушный налог, с 1723 г. он взимался в качестве 10—20-процентной надбавки к поземельному налогу. После реформы 1723 г. для каждого участка земли была определена фиксированная ставка налога, которая в дальнейшем уже не менялась²⁸. В целом официальные налоги составляли примерно 1/10 часть урожая, но были еще дополнительные сборы в пользу местных чиновников; в 1753 г. эта надбавка составляла примерно 20% к официальным налогам²⁹.

Резкое уменьшение численности населения в середине XVII в. привело к появлению свободных земель и падению демографического давления. Как отмечалось выше, это проявилось в снижении цен на зерно в четыре-пять раз. Начало XVIII столетия характеризуется в источниках как время относительного благополучия. «...Дожди и процветание были много лет, так что все зерно было собрано и люди в деревнях счастливы», — говорится в императорском указе 1708 г.³⁰ В другом указе говорится о быстром росте населения: «Страна жила в мире в течение долгого времени, и население увеличивается день ото дня. Следовательно, поставка продовольствия постепенно становится недостаточной...» По оценке Чжоу Юаньхэ за первую половину XVIII в. численность населения возросла со 100 до 180 млн. чел., а площадь пашни в середине столетия достигла 7,8 млн. му. Материалы переписей (более надежные, чем цитируемые оценки) свидетельствуют, что высокие темпы роста населения (около 2% в год) сохранились и в середине XVIII в., но затем они стали падать³¹.

Таким образом, в начальный период эпохи Цин имелись классические признаки первой фазы демографического цикла: *наличие свободных земель, быстрый рост населения, рост посевных площадей, строительство новых и восстановление разрушенных ранее поселений, низкие цены на хлеб, на землю, низкий уровень земельной ренты и налогов, дороговизна рабочей силы, относительно высокий уровень потребления, ограниченное развитие городов и ремесел.*

Однако рост населения постепенно привел к нехватке земель, и это проявлялось, в частности, в росте цен. Цена на зерно к середине века возросла вдвое, (до 0,6—0,7 лян за 1 дань)³²; еще быстрее росли цены на землю: в 1730-х годах 1 му земли стоил 7—8 лян, а в 1780-х годах — 50—60 лян. Император Юнчжен проявлял сильную обеспокоенность быстрым ростом населения: «В течение долгого времени страна жила в мире, и население быстро увеличилось, — говорится в указе 1723 г. — Поэтому урожаев едва хватает, чтобы обеспечить людей, и любой недостаток приведет к затруднениям и голоду.. Единственно, чем правительство может помочь людям, — это освоение целинных земель». Указ разрешал крестьянам свободно, не спрашивая разрешения властей, занимать пустующие земли, а властям предписывалось давать поселенцам волов и семена. Правительство возлагало большие надежды на развитие рисосеяния на севере Китая, в столичной провинции Чжили, однако природные условия севера оказались неподходящими для риса и посадки не прижились³³. В 1740 г. местным властям было предписано содействовать крестьянам в террасировании холмов и освоении неудобных земель³⁴, но исследователи полагают, что все эти меры были по большей части декларативными. Более того, источники свидетельствуют, что ирригационной системе не уделялось должного внимания, что многие оросительные каналы были засорены илом и обмелели. Правительство не занималось развитием ирригации, возложив эти обязанности на местные власти³⁵. При этом население продолжало расти — к 1800 г. его численность приблизилась к 300 млн.³⁶ Французский историк М. Картье пишет, что, «принимая во

внимание отсутствие какой бы то ни было промышленной или сельскохозяйственной революции... огромный прирост населения в XVIII в. представляет для демографов настоящую загадку»³⁷.

Действительной причиной прогресса сельского хозяйства (и, следовательно, роста населения) было совершенствование агротехники: распространение кукурузы, батата, арахиса, скороспелых сортов риса. В XVIII в. успехи стихийной крестьянской селекции привели к появлению риса, вызревающего через сорок дней после высадки рассады — на десять дней раньше, чем прежде. Это дало возможность значительно расширить практику двухразовых посевов и увеличить урожай. Кроме того, огромное значение имела интенсификация труда: пахота с использованием волов постепенно заменялась ручной вспашкой, когда тщательно обрабатывался каждый кустик риса³⁸. Китайская технология возделывания риса требовала в десятки раз больших затрат труда, чем технология выращивания пшеницы в Европе³⁹; в то же время она была примерно в десять раз более продуктивной. В низовьях Янцзы 1 му земли, средней по качеству, давал в двух урожаях примерно 800 цзинеи риса⁴⁰, т.е. 1 га — 79 ц в год; в Европе при трехпольной системе урожайность редко превышала 10 ц/га⁴¹, т.е. с одного гектара получали около 7 центнеров в год.

К XIX в. возделывание риса превратилось в сложный технологический процесс, рассада выращивалась в специальных питомниках с регулируемым микроклиматом; оросительные системы поддерживали водный режим на затопленных полях, для борьбы с водорослями разводили карпов, а экскременты животных и людей считались драгоценным удобрением. К началу XIX в. были сведены последние леса, и китайский пейзаж принял современный облик: голая равнина и голые безлесные холмы, где каждый метр склона занят под посевы кукурузы, а все плоские участки разделены на клетки рисовых полей.

Рост численности населения приводил к дроблению крестьянских участков и разорению крестьян. Уже в начале XVIII в. обследование нескольких провинций показало, что лишь 30—40% крестьян имеют свою землю, остальные вынуждены арендовать ее у помещиков; при этом многие крестьяне-собственники хозяйствовались на карликовых участках в 8—10 му. В середине XVIII в. положение ухудшилось, губернатор Хунани докладывал императору, что «ныне богатым дворам принадлежит уже пять—шесть десятых всех земель и те, кто раньше владел землей, теперь стали арендаторами»⁴². Деревню заполнили массы безземельных батраков, готовых работать за скудную похлебку. Дешевизна рабочей силы привела к падению цен на рабов; в 70-х годах XVIII в. раб стоил в среднем 10 лян серебра, почти вдвое меньше, чем в XVII в.⁴³ В то же время месячное пропитание раба (1/2 даня риса) обходилось в 5 цзяней, а рабочего можно было нанять за 6 цзяней в месяц (10 цзяней равны 1 лян) ⁴⁴. Очевидно, что рабство стало невыгодным; маньчжуры за выкуп отпускали своих рабов и сдавали поля в аренду⁴⁵.

Страдая от малоземелья, многие крестьяне занимались подсобными промыслами. Современник свидетельствует, что в сельской местности «из каждых десяти семей восемь—девять занимаются ручным прядением и ткачеством». Распространялось и профессиональное ремесло с использованием станков: в районе Шанхая 200 тыс. ткачей изготавливали хлопчатобумажные ткани, а в районе Сучжоу половина крестьянских дворов занималась выделкой шелка. Многие «лишние люди» уходили в города, которые снова разрослись до размеров эпохи Мин. Население старинного шелкового центра Сучжоу достигло 1 млн., однако Сучжоу был вынужден уступить славу «шелковой столицы» Нанкину; большие шелковые мануфактуры Нанкина имели по 500—600 рабочих. Поднялся из руин «фарфоровый город» Цзиндэчжэнь; хотя фарфоровое производство восстановилось не полностью, в Цзиндэчжэне жили сотни тысяч ремесленников-гончаров. Более миллиона жителей насчитывалось в Ханчжоу и Фошаньчжэне⁴⁶.

К началу XIX в. численность населения Китая достигла 300 млн. чел. За вторую половину XVIII столетия цены на рис возросли с 6—7 до 30—40 цзяней за

1 дань, т.е. в 5—6 раз⁴⁸. Заработная плата тоже возросла, но в меньшей степени; дневная зарплата в зерновом исчислении составляла около 2 литров зерна — этого едва хватало на пропитание. График (рис. 3) показывает, как с ростом населения уменьшалась реальная заработная плата, т.е. потребление. Эта картина полностью адекватна классической картине «мальтузианских ножниц» (рис. 2). Таким образом, реальная заработная плата за полвека уменьшилась почти в два раза и приблизилась к голодному минимуму.

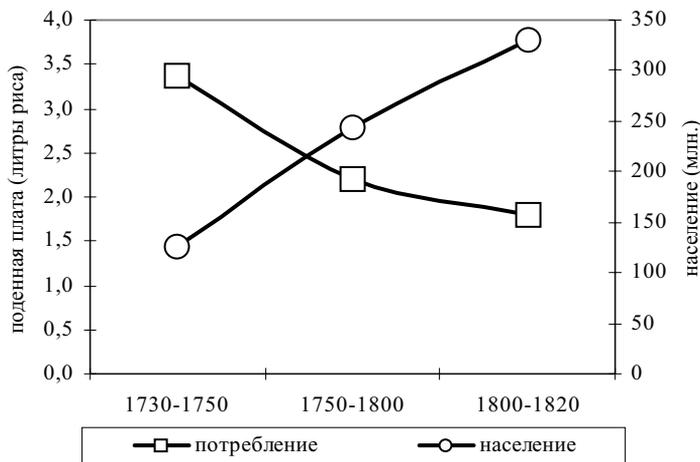

Рис. 3. Население и потребление в эпоху Цин⁴⁷.

Одновременно с уменьшением потребления замедлялся рост населения. В 1753—1812 гг. естественный прирост составлял 1,15%, а в 1812—1850 гг. — 0,47%. Данные о китайском населении Ляонина говорят о том, что средняя продолжительность жизни снизилась с 43 в 1798—1801 гг. до 33 лет в 1837—1840 гг.⁴⁹ Отмечается также распространение практики убийства новорожденных девочек, причем исследователи напрямую связывают это явление с падением уровня жизни⁵⁰.

Правительство было хорошо осведомлено о происходивших в стране процессах и понимало их причины. Высокопоставленные чиновники в один голос утверждали: «Население растет, и сто бед происходят прежде всего от того, что население слишком велико»⁵¹. Даже император Цяньлун сетовал, что «не хватает места на полях для домов, а между теми, кто тянет двор, и едоками образуется диспропорция не в пользу кормильцев». В 1793 г. сановник Хун Лянцзи представил двору трактат с предупреждением о грядущих бедствиях. «Количество земли и жилья может увеличиться в 2 раза, в крайнем случае в 3—5 раз, в то время как население возрастет в 10 или в 20 раз... — писал Хун Лянцзи. — Знает ли природа средства от перенаселения? Наводнения и засухи, болезни и эпидемии — вот что предлагает нам природа в качестве лекарства...» Китайский сановник говорил о грядущем наступлении голода и предупреждал, что многие не согласятся тихо умирать на дорогах, что, в конце концов, начнутся восстания⁵².

Позднее, в XX в., европейские социологи называли Хун Лянцзи «китайским Мальтусом». Однако в отличие от Мальтуса Хун Лянцзи просто описывал то, что видел своими глазами, и справедливость его предупреждений была понятна каждому. Голод и эпидемии стали повсеместным явлением, города переполняли беженцы и нищие, которые спали прямо на улицах. После морозной ночи 1 февраля 1796 г. на улицах Пекина было подобрано 8 тыс. замерзших нищих. Однако за рассуждениями о грядущих бедствиях не следовало никаких дел. Еще в середине XVIII в. один из высших сановников Цяньлуна предлагал ограничить земли помещиков максимальными размерами в 30 цин, а излишки раздать беднякам. Предложение было отвергнуто как «нереальное»⁵³. В конце правления

Цяньлуна действительная власть находилась в руках временщика Хэшеня, которого ничего не интересовало, кроме личного обогащения. Хэшень открыто грабил казну, его сокровища превосходили доход государства за восемь лет⁵⁴.

В 1796 г. пророчество Хун Лянцзи стало сбываться: на востоке страны началось большое крестьянское восстание, которое охватило шесть провинций и продолжалось девять лет. Поднявшая крестьян на восстание секта «Белого лотоса» проповедовала уравнение имущества, повстанцы убивали всех маньчжуров и помещиков. Решимость восставших была такова, что уходя в повстанческую армию, они сжигали свои дома. Маньчжурские войска потерпели несколько поражений, и правительство было вынуждено прибегнуть к помощи местных ополчений, сформированных помещиками и шэньши. Каратели применяли «тактику выжженной земли»; при подавлении восстания погибли несколько сот тысяч человек⁵⁵.

Восстание не привело к переменам в государственной политике — наоборот, оно ускорило разложение государства. Если при Цяньлуна правительство до какой-то степени контролировало местные власти, то теперь дела управления были оставлены на произвол судьбы. К 1820-м годам коррупция и воровство достигли небывалых размеров. Один из цензоров, проверявший сметы работ по укреплению дамб на Хуанхэ, с удивлением отмечал, что разворовано лишь 3/5 отпущенных средств — обычно крали больше⁵⁶. Деревня была отдана на произвол местных властей, помещиков и шэньши. Дополнительные сборы с крестьян многократно возросли, причем центральные власти даже не знали их объемов. Северные провинции, обеспечивавшие хлебом столицу, должны были в счет налогов поставлять 4 млн. даней зерна — в действительности чиновники собирали 14 млн. даней.

В южных провинциях 70—80% крестьян арендовали земли помещиков⁵⁷. Как отмечают специалисты, это была «кабальная голодная аренда». При заключении арендного договора с крестьянина требовали залог в размере годового урожая с участка, это сразу же делало его кабальным должником ростовщика-помещика. Помещики и их управляющие часто измеряли рис в «арендных ху», по своему произволу увеличивая объем арендной платы. Еще хуже было положение батраков: обычная оплата батрака составляла около 10 тыс. вэней в год — при цене риса в 3 000 вэней за дань⁵⁸ это составляло 1,2 литра зерна в день; даже с учетом хозяйских харчей эта плата была чрезвычайно низкой. Батраки не имели возможности жениться и обзавестись семьей, по существу, они находились в кабале у хозяев. По цинским законам арендатор, не уплативший положенное, подлежал телесному наказанию с последующим взысканием задолженности. «Местные магнаты» держали стражников, имели свои тюрьмы, творили над арендаторами и должниками свой суд (хотя формально это было запрещено). В случае провинности арендаторов секли плетью, их жен и дочерей превращали в помещичьих рабынь и наложниц. На случай бунта бедняков действовали отряды сельской милиции, которыми командовали те же помещики; таким образом «местные магнаты» держали в руках всю округу.

В 1825 г. численность населения достигла 370 млн. В низовьях Янцзы люди жили на воде; 35 тыс. джонок ежедневно уходило на рыбную ловлю, и обитавшие на них рыбаки, по словам современника, не умели ходить по суше⁶⁰. Разорение крестьян дошло до такой степени, что в некоторых районах помещикам принадлежало 9/10 земли; а все имущество земледельцев было заложено и перезаложено. «Если вся одежда и утварь были проданы, то закладывали землю и орудия труда, — свидетельствует современник. — Если не было земли и орудий, то продавали скот, если не было уже вещей, то продавали детей, и так шло, пока все не кончалось»⁶¹. «Из каждых десяти дворов трудно найти хотя бы два-три, где бы люди не стонали от голода и холода и могли бы свести концы с концами к началу нового года»⁶². Были случаи, когда крестьянин шел на казнь вместо совершившего преступление помещика, чтобы его семья получила клочок земли. Деревня была переполнена безработными батраками. Ученый Гун Цзычжень писал, что безработные «составляют около половины населения... Бога-

Таблица 1

Население и площадь пахотных земель в Китае⁵⁹

Год	Площадь пашни, млн. цин	Население млн.	Площадь пашни на душу населения, му
1661	5,5	105,3	5,2
1675	6,1	101,7	6,0
1724	7,2	130,6	5,5
1753	7,8	183,7	4,3
1766	7,8	208,1	3,8
1812	7,9	361,6	2,2
1833	7,4	398,9	1,9
1850	7,7	432,2	1,8

тые дворы стали бедными, бедные — голодными. Образованные шэньши мечутся туда-сюда, но все бесполезно, поскольку все обнищали. Китай на пороге потрясений...»⁶³

Если во времена кризисов в конце Хань, Сун и Мин «честные чиновники» пытались что-то предпринять и выступали с проектами уравнильного передела земель, то теперь они признавали, что «все бесполезно». Голод и эпидемии были постоянным явлением. В 1821—1823 гг. в Пекине три раза вспыхивала эпидемия холеры. По рассказам очевидцев из каждых девяти ворот столицы каждый день вывозили до 800 трупов⁶⁴. В 1831 г. низовья Янцзы жестоко пострадали от сильного наводнения. Из всех провинций постоянно докладывали о стихийных бедствиях, наводнениях, неурожаях, голоде. Не все из этих сообщений были достоверными: дело в том, что в 1820-х годах аграрный кризис достиг такой остроты, что крестьяне уже не могли платить налоги, и в оправдание недоимок провинциальные власти «придумывали» наводнения и неурожай⁶⁵. В 1830 г. недоимки по налогам достигли 30 млн. лян; правительство «простило» эти недоимки, но они снова стали копиться и через девять лет достигли 39 млн. лян.

Таким образом, в период с середины XVII до середины XIX в. можно констатировать наличие характерных признаков второй фазы демографического цикла, **фазы Сжатия**: *исчерпание ресурсов свободных земель, высокие цены на землю, крестьянское малоземелье, разорение крестьян-собственников, распространение ростовщичества и аренды, рост крупного землевладения, рост земельной ренты, низкий уровень потребления основной массы населения, падение уровня реальной заработной платы, дешевизна рабочей силы, высокие цены на хлеб, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, замедление роста населения, уход разоренных крестьян в города, рост городов, развитие ремесел и торговли, распространение практики ограничения рождаемости, большое количество безработных и нищих, голодные бунты и восстания, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости, попытки проведения социальных реформ с целью облегчения положения народа.*

И без того тяжелое экономическое положение Китая усугублялось в результате торговой экспансии европейских держав. Эта экспансия проявлялась, в частности, в развитии опиумной торговли. Когда в 1839 г. китайские власти предприняли-таки попытку прекратить эту торговлю, Англия начала войну и заставила Китай легализовать торговлю опиумом. Обороты этой торговли были таковы, что всех экспортных товаров Китая не хватало для оплаты наркотиков; началась утечка из страны серебра; в 1830-х годах она приняла огромные масштабы. В результате серебряную инфляцию сменила дефляция; в 1830—50-х годах цены на рис упали вдвое, соответственно возрос курс ляна по отношению к разменной медной монете. В действительности на рынках ходила в основном медная монета, и в медной монете цена зерна почти не менялась⁶⁶. Однако налоги собирались в условном серебряном исчислении, и рост курса серебра на практике привел к двойному увеличению налогов. «Раньше

денег, вырученных от продажи трех доу риса, хватало на уплату налогов с одного му земли, да еще и оставалось, а теперь после продажи 6 доу риса не хватает на налоги...» — свидетельствует современник⁶⁷.

Рост налогов стал последней каплей, переполнившей терпение простого народа. В исторической хронике «Дунхуалу» с 1841 по 1849 г. было зарегистрировано 110 восстаний в различных провинциях страны⁶⁸. Революция была неизбежна, и истории оставалось найти ее лидеров. Вождем революции тайпинов стал Хун Сюцюань — бедный деревенский учитель, случайно познакомившийся с миссионерами в Кантоне и принявший христианство. Он семь лет бродил по дорогам Южного Китая, проповедуя, что «вся Поднебесная — одна семья, все люди братья» и «повсюду должно быть полное равенство»⁶⁹. В июле 1850 г. он собрал у горы Цзиньтянь 20 тыс. верующих и провозгласил создание «Тайпин тянго» — «Небесного государства всеобщего равенства и благоденствия». Голодающие крестьяне толпами присоединялись к тайпинам, поход на Янцзы напоминал движение лавины; когда тайпины пришли к Южной Столице, Нанкину, их было уже больше миллиона. В марте 1853 г. тайпины взяли Нанкин и создали в долине Янцзы большое государство, просуществовавшее десять лет. На территории, подвластной тайпинам, была упразднена помещичья собственность, крестьяне объединялись в коммуны по 25 семей с общей «священной кладовой» и церковью⁷⁰.

Европейские державы воспользовались гражданской войной в Китае, чтобы полностью «открыть» страну для опиумной торговли. В сентябре 1860 г. англо-французские войска овладели Пекином. Цинское правительство приняло все условия европейцев и получило за это европейское оружие для борьбы с тайпинами. В 1863 г. тайпинское восстание было подавлено вооруженной европейскими пушками «непобедимой армией». По некоторым оценкам, погибли около 120 млн. чел.⁷¹ — это была одна из самых страшных катастроф, когда-либо происходивших на Земле. Характерно, однако, что наибольшие потери принесли не военные действия, а сопровождавшие их голод и эпидемии. Летом 1855 г. Хуанхэ прорвала давно не ремонтировавшиеся дамбы и, уничтожая все на своем пути, нашла себе новую дорогу к морю севернее Шаньдуна. Эта гигантская катастрофа привела к гибели семи миллионов человек. Уже после войны, в 1877—1878 гг. на Севере разразился страшный голод, унесший жизни примерно 10 млн. чел.⁷² «Поля заброшены, повсюду виднеются кости, не курятся дымки в очагах, — писал современник. — Немногие оставшиеся в живых днем собирают дикие травы, чтобы утолить голод, ночью спят на голой земле».

Итак, в 1850—70-х годах можно констатировать наличие характерных признаков третьей фазы демографического цикла, экосоциального кризиса: *голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла и торговли, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, социальные реформы, принимающие масштабы революции*.

Революция тайпинов закончилась поражением, и земельная проблема не была решена. В то же время гибель четверти населения в какой-то мере ослабила проблему перенаселения. Однако через пятьдесят лет население снова возросло и экосоциальный кризис возобновился.

В итоге можно прийти к выводу, что развитие Китая в эпоху Цин в целом, соответствует классической схеме теории демографических циклов. Необходимо отметить, что роль перенаселения как ведущего фактора социально-экономического развития признается практически всеми специалистами, изучавшими этот период. Среди отечественных исследований, освещающих роль этого фактора, мы можем отметить цитировавшиеся выше работы А.Д. Дикарева, В.П. Илюшечкина, М.В. Крюкова, О.Е. Непомнина, Н.И. Тяпкиной, А.Н. Хохлова, среди китайских — прежде всего работу Чжоу Юаньхэ⁷³. Таким образом, роль этого исследования сводится в основном к формализации существующих представлений в рамках современной теоретической истории.

- ¹ Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики. М., 1993. Т. 2. С. 22.
- ² Рикардо Д. Начало политической экономии и налогового обложения. М., 1955. Т. 1.
- ³ См. Pearl R. The biology of population growth. N. Y., 1925.
- ⁴ Бигон М., Харпер Дж., Таусенд К. Экология. Особи, популяции и сообщества. М., 1989. Т. 1—2.
- ⁵ Losch A. Population Cycles as a Cause of Business Cycles // Quarterly Journal of Economics. 1937. Vol. LI. P. 649—662; Cameron R. A concise economic history. From paleolithic times to the present. N. Y., Oxford, 1989.
- ⁶ Яшнов Е.Е. Особенности истории и хозяйства Китая. Харбин, 1933.
- ⁷ W. Abel. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin. 1935. Postan M. Revision in Economic History: the fifteenth century // The Economic History Review. 1939. Vol. 9. № 2.
- ⁸ Ashtor E. Histoire des prix et des salaires dans l' Orient Medieval. P. 1969; Ashtor E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. London, 1976; Ping-ti Ho. Studies on the Population of China, 1368—1953. Cambridge, 1959; Elvin M. The Pattern of the Chinese Past: A Social and Economic Interpretation. Stanford, 1973; Liu P. and Huang K. Population Change and Economic Development in Mainland China since 1400 // Modern Chinese Economic History. Taipei, 1977; Chao K. Man and Land in Chinese History. An Economic Analysis. Stanford, 1986; Чжоу Юаньхэ. Циндай жэнькоу янцзю (Исследование народонаселения в эпоху Цин) // Чжунго шихуэй кэсюэ. 1982. № 2.
- ⁹ Нefeldов С.А. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока // Восток — Oriens. 2003. №. 3. С. 5—22; Он же. О теории демографических циклов // Круг идей. М., 2003. С. 490—506; Он же О теории демографических циклов // Экономическая история. Обзорение. 2002. Вып. 8. С. 116—121.
- ¹⁰ Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990; Мугрузин А.С. Аграрно-крестьянская проблема в Китае. М., 1994.
- ¹¹ Komlos J., Nefedov S. Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth // Historical Methods. 2002. Vol. 35. № 2. P. 92—94; Nefedov S. A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // Chinese Journal of Population Science. 2003. № 3. P. 48—53. Кит. яз.; Nefedov S. A. A model of demographic cycles in a traditional society // Social Evolution & History. 2004. Vol. 3. N 1. P. 69—80; Turchin P. Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton and Oxford, 2003; Коротав А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. М: РГГУ, 2005.
- ¹² Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991; Turchin P. Op. cit. P. 121—131; 184—196.
- ¹³ Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1990. P. 346—370; Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. Cambridge, 1980. P. 20—28. 39, 76—78; Нefeldов С.А. О теории демографических циклов // Круг идей. М., 2003. С. 490—506.
- ¹⁴ Дикарев А.Д. Некоторые проблемы роста и учета населения в эпоху Цин // Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время. М., 1991. С. 63.
- ¹⁵ Новая история Китая. М., 1972. С. 24.
- ¹⁶ Lee Mabel Ping-hua. The Economic History of China. N. Y., 1921. P. 407.
- ¹⁷ Гуревич Н.М. Динамика роста населения зарубежной Азии в нашей эре // Народы Азии и Африки. 1975. № 4. С. 71.
- ¹⁸ Оценка Хейдра: Heijdra M. The Socio-Economic Development of Rural China during the Ming // The Cambridge History of China. Vol. 8. Part 2. The Ming Dynasty, 1368—1644. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P 438—440.
- ¹⁹ Оценка Чжоу Юаньхэ. См. Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987. С. 61.
- ²⁰ Lee Mabel Ping-hua. Op. cit. P. 436.
- ²¹ Кульпин Э.С. Человек и природа... С. 123; Heijdra M. The Socio-Economic Development of Rural China during the Ming // The Cambridge History of China. Vol. 8. Part 2. The Ming Dynasty, 1368—1644. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P 438—440; Mote, F. W. Imperial China 900—1800. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. P. 745.
- ²² Goldstone J.A. Op. cit. P. 358; Chao K. Op. cit. P. 41.
- ²³ Postan V. Same economic evidence of declining population in later middle ages // The Economic History Review. Ser. 2. 1950. Vol. № 3.
- ²⁴ Очерки истории Китая с древнейших времен до «опиумных» войн. М., 1959. С. 515; Chao K. Op. cit. P. 218.
- ²⁵ Postan M. Op. cit. P. 233; Adel W. Crises agraires en Europe (XIII—XX siecle). Paris, 1973. P. 433—434.
- ²⁶ Hatcher J. Plague, population and the English economy: 1348—1530. London, 1977. P. 171.
- ²⁷ Lee Mabel Ping-hua. Op. cit. P. 397.
- ²⁸ Новая история Китая... С. 26; Непомнин О.Е. Экономическая история Китая. 1864—1894. М., 1974. С. 32.
- ²⁹ Непомнин О.Е. Экономическая история... С. 33; Тяпкина Н.И. Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая. М., 1984. С. 68.
- ³⁰ Lee Mabel Ping-hua. Op. cit. P. 413.
- ³¹ Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987. С. 63.

- ³² Дикарев А.Д. Хун Лянцзи — китайский Мальтус? // Четырнадцатая науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. Ч. 2. М., 1983. С. 120.
- ³³ Will P.E. Developpement quantitatif et developpement qualitatif en Chine a la fin de l'epoque imperiale // *Annales: Histoire, sciences sociales*. 1994. A. 49. № 4. P. 871—872.
- ³⁴ Lee Mabel Ping-hua. *Op. cit.* P. 419.
- ³⁵ Will P.E. *Op. cit.* P. 871—872.
- ³⁶ Дикарев А.Д. Некоторые проблемы... С. 71—73.
- ³⁷ Там же. С. 67.
- ³⁸ Там же. С. 69—70; Илюшечкин В.П. Развитие производительных сил и общественного производства в древнем и средневековом Китае // *Производительные силы и социальные проблемы старого Китая*. М., 1984. С. 208.
- ³⁹ *История Китая*. М., 1998. С. 268.
- ⁴⁰ Фань Вэнь-лань. *Новая история Китая*. М., 1955. С. 199.
- ⁴¹ *История Европы*. М., 1994. Т. 4. С. 265.
- ⁴² Хохлов А.Н. Социально-экономическое развитие Китая с середины XVII до середины XIX века // *Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время*. М., 1991. С. 16.
- ⁴³ Лепешинский К.В. О некоторых социально-экономических последствиях маньчжурского завоевания Китая // *Маньчжурское владычество в Китае*. М., 1966. С. 140.
- ⁴⁴ Стужина Э.П. Китайское ремесло в XVI—XVIII веках. М., 1970. С. 24, 187. Оплата рабочих на обработку хлопка в 1771 году составляла 600 вэней в месяц.
- ⁴⁵ Хохлов А.Н. О рабстве и крепостничестве в Китае (с 40-х годов XVII в. до середины XVIII в.) // *Китай: общество и государство*. М., 1973. С. 170—171.
- ⁴⁶ *Новая история Китая...* С. 28—29, 70; *Очерки истории Китая...* С. 519.
- ⁴⁷ Реальная заработная плата с учетом питания, получаемого у хозяев. Подсчет по: Chao K. *Man and Land in Chinese History. An Economic Analysis*. Stanford, 1986. P. 218—219. Table. 9.2. Население; Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. *Этническая история китайцев...* С. 63.
- ⁴⁸ Дикарев А.Д. Хун Лянцзи — китайский Мальтус. С. 120.
- ⁴⁹ Lavelly W., Wong R. B. Revising the Malthusian Narrative: The Comparative Study of Population Dynamics in Late Imperial China // *The Journal of Asian Studies*. 1998. Vol. 57. P. 721, Table. 3A.
- ⁵⁰ Mann S. *Women, Families, and Gender Relations // The Cambridge History of China*. Vol. 9. Part. 1. *The Ch'ing Empire to 1800*. Cambridge, 2002. P. 451; Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. *Законы истории*. М: РГГУ, 2005.
- ⁵¹ Кульпин Э.С. *Человек и природа...* С. 162.
- ⁵² Дикарев А.Д. Хун Лянцзи — китайский Мальтус? С. 118, 121.
- ⁵³ Lee Mabel Ping-hua. *Op. cit.* P. 4 20.
- ⁵⁴ *Новая история Китая...* С. 81, 82.
- ⁵⁵ Поршнева Е.Б. Подъем аниманьчжурского движения в Китае под руководством тайных обществ // *Маньчжурское владычество в Китае*. М., 1966. С. 229; *Очерки...* С. 535.
- ⁵⁶ *Новая история Китая...* С. 83.
- ⁵⁷ Непомнин О.Е. *Экономическая история Китая...* С. 26.
- ⁵⁸ Фань Вэнь-лань. *Новая история Китая...* С. 144.
- ⁵⁹ Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. *Этническая история китайцев...* С. 63.
- ⁶⁰ *История стран Азии и Африки в новое и новейшее время*. М., 1971. С. 53.
- ⁶¹ Фань Вэнь-лань. *Новая история Китая...* С. 136.
- ⁶² Хохлов А.Н. *Социально-экономическое развитие Китая...* С. 16.
- ⁶³ Дикарев А.Д. Хун Лянцзи — китайский Мальтус? С. 80.
- ⁶⁴ *Новая история Китая...* С. 85.
- ⁶⁵ Тяпкина Н.И. *Деревня и крестьянство...* С. 149.
- ⁶⁶ *История экономического развития Китая. 1840—1948 гг.* М., 1958. С. 43. Табл. 31.
- ⁶⁷ Фань Вэнь-лань. *Новая история Китая...* С. 145.
- ⁶⁸ Илюшечкин В.П. *Крестьянская война тайпинов*. М., 1967. С. 33.
- ⁶⁹ *Хрестоматия по новой истории*. М., 1965. Т. 2. С. 610.
- ⁷⁰ Фань Вэнь-лань. *Новая история Китая...* С. 183, 255; Илюшечкин В.П. *Крестьянская война...* С. 55—56.
- ⁷¹ Huang P. C. C. Development or Involution in Eighteenth-Century Britain and China? // *The Journal of Asian Studies*. 2002. Vol. 61. P. 528.
- ⁷² Непомнин О.Е. *Экономическая история Китая...* С. 114—115.
- ⁷³ Чжоу Юаньхэ. *Исследование народонаселения в эпоху Цин*. 1982. № 2.

SUMMARY. The author of the article “About the Demographic Cycle of Ching Period” Sergei Nefedov, Candidate of Historical Sciences, characterizes China’s history (XVII—XIX cc.) from the principles of the theory of demographic cycles. As a result the author concludes that the development of China in Ching epoch corresponds to classic scheme of the theory of demographic cycles.